

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.54631/VS.2022.64-117510

ТРЕУГОЛЬНИК «РОССИЯ—ВЬЕТНАМ—КИТАЙ»: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ, ТРАНСФОРМАЦИИ И АСИММЕТРИИ

С. Г. Лузянин¹

Аннотация: В статье освещаются российско-вьетнамские и китайско-вьетнамские отношения в условиях меняющейся геополитической ситуации в мире, обострения отношений России с США/Западом и возвышения Китая. Предпринята попытка проследить динамику и особенности развития двух двусторонних моделей, их место и роль в регионе Юго-Восточной Азии, влияние внешних факторов на экономические и военно-политические процессы, осветить реакцию ведущих российских и китайских экспертов на взаимоотношения в системе «Россия—Вьетнам—Китай», специфику реализации Китаем инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» во Вьетнаме.

Ключевые слова: Россия, Вьетнам, Китай, сотрудничество, вызовы и угрозы, спорные острова, «Один пояс, один путь».

Для цитирования: Лузянин С. Г. Треугольник «Россия—Вьетнам—Китай»: современные вызовы, трансформации и асимметрии // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 4–12.

Дата поступления статьи: 09.09.2022

Дата поступления в переработанном виде: 11.10.2022

Принята к печати: 23.11.2022

Введение

Условная трёхсторонняя структура «Россия—Вьетнам—Китай» существует виртуально как некая региональная комбинация двусторонних форматов — российско-вьетнамского, китайско-вьетнамского и российско-китайского, связанного с Вьетнамом (последний не рассматривается). При этом фрагментарно она развивается в различных региональных и субрегиональных проектах и инициативах: АТЭС, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), «Один пояс, один путь» (ОПОП) и других. Между российско-вьетнамскими и китайско-вьетнамскими отношениями сложилась значительная торго-

¹ Лузянин Сергей Геннадьевич, д. и. н., профессор, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ «Высшая школа экономики»; профессор, факультет международных отношений, МГИМО (У) МИД РФ. ORCID: 0000-0001-9578-6023. E-mail: Luzyanin.sergey@mail.ru

экономическая и инвестиционная асимметрия в пользу Китая, который ежегодно наращивает свое присутствие во Вьетнаме.

Академический дискурс в России по проблематике российско-вьетнамских и китайско-вьетнамских отношений, а также стыковым вопросам безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Азии, включая «островные споры» в Южно-Китайском море (ЮКМ), развивается достаточно активно. Исследуется специфика двусторонней российско-вьетнамской модели, эволюция ее политической формы и торгово-экономического содержания, включая военно-техническое сотрудничество [Мазырин 2019–2021; Кобелев 2020; Колотов 2019; Канаев 2021; Кашин 2020; Бритов 2022; Локшин 2017]. Ключевой идеей на данном направлении является анализ новых экономических реалий, а также существующих «сдержек» в структуре российско-вьетнамских отношений и рекомендации для адаптации партнерства к текущим вызовам и преодоления существующих барьеров [Мазырин 2020: 114–132].

Важная часть российского дискурса — изучение внешней политики Вьетнама в различных региональных измерениях, сочетания Ханоем тактики балансирования и использования различных внешних опор и приоритетов [Колдунова 2021], а также общие работы по асеановской проблематике в контексте растущего давления Китая на страны АСЕАН и обострения китайско-американских отношений в регионе [Сумский 2021; Мосяков 2021].

Относительно самостоятельным треком выглядит изучение торгово-экономических преференциальных форматов «ЕАЭС—Вьетнам». Ряд российских экономистов представили макроэкономическую картину и динамику «двусторонних дорожек» стран ЕАЭС с СРВ, осветив специфику влияния введенных в 2015 г. либеральных механизмов на рост товарообмена в отдельных опциях [Глинкина, Мигранян, Пылин 2018].

Среди иностранных ученых важное место занимают исследователи КНР, изучающие китайско-вьетнамские отношения, которых условно можно разделить на несколько групп. Они представлены экспертами Института Юго-Восточной Азии Китайской академии современных международных отношений (КАСМО), Китайского института международных исследований МИД КНР, ряда других центров. Одни из них делают акцент на «стратегических озабоченностях» Китая от сотрудничества с Вьетнамом, обосновывают китайскую версию (так называемую 9-пунктирную линию) исторической принадлежности Китаю спорных островов [Lijian Gang 2020; Gu Huoping 2022]. Другие, наоборот, подчеркивают необходимость усиления торгово-экономической кооперации двух стран и консервации «нерешенных вопросов», сосредоточении основного внимания на вовлечении Вьетнама в проект «Морского шелкового пути» и нейтрализации США в Индокитае [Qu Wenjia 2017; Jiang Yushan 2018].

В данной статье делается попытка сравнить две двусторонние модели отношений: российско-вьетнамскую и китайско-вьетнамскую, определить, насколько исчерпана «историческая память» между Москвой и Ханоем и на каком этапе конвертации в более прагматичные отношения она находится сегодня? Какие ключевые проекты и направления особенно актуальны в нынешних китайско-вьетнамских отношениях, что особенно тревожит и пугает в них Ханой?

Российско-вьетнамский формат

На двусторонних треках России со странами АСЕАН традиционно сильным и приоритетным всегда был российско-вьетнамский, имеющий давнюю дружественную историю, начиная с советского периода, традиции большой экономической, военной и идеологической помощи в 1960–1980-е годы.

В 2001 г. была принята Декларация о стратегическом партнерстве между РФ и СРВ. Сегодняшние отношения двух стран имеют статус всеобъемлющего стратегического партнерства [Совместное заявление 2012]. При этом Вьетнам проводит многовекторную внешнюю политику на

основе «четырёх нет»: нет участию в военных союзах; нет размещению на своей территории военных баз третьих стран; нет вступлению в альянсы, направленные против третьих стран; нет применению военной силы или угрозе её применения в международных отношениях.

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. и общего обострения отношений с США/Западом в российско-вьетнамском формате не произошло системных политических деформаций и «разломов». В конце 2021 г. в ходе визита в РФ президента СРВ по итогам переговоров В.В. Путина и Нгуен Суан Фука было принято Совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства [Совместное заявление 2021].

Важным драйвером экономических отношений стало подписание в 2015 г. соглашения о создании Зоны свободной торговли (ЗСТ) между Вьетнамом и ЕАЭС, которое оживило двусторонние российско-вьетнамские экономические отношения. Объём двусторонней торговли в 2018 г. оценивался в 4,1 млрд долл., а в 2021 г. увеличился на 15,7%, достигнув 5,7 млрд долл. Ключевым компонентом была углеводородная кооперация, включая работу совместных предприятий «Вьетсовпетро» по добыче нефти и газа на морском шельфе вьетнамской зоны ЮКМ и «Русвьетпетро» на российской территории. Следует отметить также деятельность вьетнамского концерна TH True Milk в Московской и Калужской областях в сфере сельского хозяйства и запуск совместного индустриального парка DEEP C Russia на севере Вьетнама, сооружение которого планируется завершить к 2023 г. Индустриальный парк был задуман как логистический хаб для морских перевозок и прибрежных промышленных территорий [Азиатский поворот... 2022].

По прогнозам российских экспертов Института экономики РАН, суммарное значение торгового оборота интегрированной группы ЕАЭС в 2016–2017 гг. должно было составлять соответственно 4,3 млрд и 5,9 млрд долл., к 2019 г. рост валовых объемов торговли оценивался в 6,6 млрд, а в 2020 — до 7,041 млрд долл. При этом основной рост наблюдался в парах «Казахстан — Вьетнам» и «Россия — Вьетнам». Реальные объёмы оказались на 17–20 % ниже прогнозируемых. Основной причиной падения эксперты называли то, что к 2020 г. эффект либерализации, снижения торговых барьеров, который обеспечивал определённый рост торговли, «исчерпал себя» [Мигранян 2019: 95].

Как отмечают российские учёные, успех евразийско-вьетнамского преференциального проекта был обусловлен тремя причинами: 1) между импортными товарами, производимыми в странах ЕАЭС, и их аналогами во Вьетнаме не было конкуренции; 2) незначительные объёмы торговли не могли негативно влиять на экономики стран-участниц в случае неудачного развития проекта; 3) Россия была заинтересована в скорейшем подписании соглашения о ЗСТ для усиления политического эффекта и перспективности созданного евразийского интеграционного объединения [Колдунова 2021: 31–35].

Продолжало успешно развиваться традиционное военно-техническое сотрудничество (ВТС). Несмотря на отмену Вашингтоном в 2016 г. своего эмбарго на военные поставки в СРВ и демонстративный заход в 2017 г. в порт Дананг американского военного эсминца [Мосяков 2021], Вьетнам сохранял значительную нишу для сотрудничества с Россией в военной сфере. Россия контролировала более 50% вьетнамского парка вооружений из российского ВПК и всех военных поставок, США не удалось монополизировать данный сектор.

Вьетнам закупал российские истребители Су-27/Су УБК и Су-30МК, зенитные ракетные комплексы С-300 ПМУ1. По российским лицензиям в СРВ началось строительство ракетных катеров проекта 1241 с противокорабельными ракетными комплексами «Уран». Были заключены контракты на поставки легких фрегатов типа «Гепард» и дизель-электрических подводных лодок проекта 636.1 и др. [Кашин 2020: 75–77, 80–83]. Несмотря на вывод из Камрани в 2002 г. российской военно-морской базы, для российских ВМС сохранялись на вьетнамском побережье пункты материально-технического обеспечения кораблей.

Новой формой сотрудничества становилось лицензионное производство ряда видов российского вооружения на территории СРВ. Были подписаны контракты на создание центра обслуживания и ремонта вертолетов, поставки российских танков Т-90М «Прорыв» и береговых противокорабельных комплексов «Бал» и «Бастион» и др. [Там же: 77, 80, 82–83].

С другой стороны, в российско-вьетнамском сотрудничестве после 2014 г. появились серьезные трещины и нестыковки.

В феврале 2014 г. Россия выбыла из проекта по строительству завода для министерства обороны СРВ, в результате чего производство российских автоматов Калашникова модернизированных (АКМ) было заменено на производство израильских Galil ACE-31 и ACE-32. В 2016 г. Вьетнам неожиданно для российского руководства заблокировал несколько ключевых проектов в сферах метростроения, космоса, добычи газа, а также модернизации нефтеперерабатывающего завода «Зунгкуат» и закупки российских лайнеров «Суперджет-100». Самым серьезным ударом для Москвы стал отказ Ханоя в 2016 г. от строительства атомной электростанции «Ниньтхуан» после 8 лет подготовки Росатомом сооружения АЭС, несмотря на выделенный на эти цели кредит в 10 млрд долл. [Бритов 2022: 5–7, 11–15].

Большинство ведущих российских экспертов не связывает данное решение с официальными объяснениями Ханоя о якобы наличии неких экономических и экологических причин непринятия данных проектов. Основная причина, по их мнению, гораздо глубже — это прямое влияние США, ЕС и Японии, фактически торпедировавших взаимовыгодные контракты Москвы и Ханоя [Мазырин 2020: 115–119, 126–129; Бритов 2022: 5–7, 9, 12–15]. Отдельные эксперты при этом считают, что геополитическая часть не является основным препятствием, что всё дело в усилившихся нестыковках экономических форматов, что попытки России поднять двусторонний экономический уровень исключительно на основе административных ресурсов, увеличив товарооборот с Вьетнамом, встроенным в восточноазиатские цепочки поставок, в процессы создания высокотехнологической продукции, неперспективны и ошибочны, что волевым решением невозможно подключить российских производителей к рыночным, коммерческим вьетнамским процессам [Канаев, Файншмидт, Федоренко 2020].

После начала российской СВО отдельные вьетнамские эксперты пессимистически оценивают перспективы российско-вьетнамских отношений. Так, по мнению бывшего торгового представителя СРВ в России Нгуен Тьи Тама, конфликт на Украине поставил всю систему российско-вьетнамских коммерческих контрактов под угрозу, включая закупки техники и оборудования для разведки, добычи и переработки сырой нефти из-за отключения российских банков от системы SWIFT и выполнение крупного заказа компанией «Силовые машины» для ТЭС «Лонгфу-1», реализованного уже на 77%, поскольку компания попала под санкции США [Нгуен Тьи Там 2022].

Подобные публикации, по мнению автора, не отражают общей картины российско-вьетнамских отношений, концентрируясь исключительно на отрицательных эффектах. Усложнение реализации ряда коммерческих российско-вьетнамских контрактов в условиях тотальных западных санкций, действительно, является сложной, но в основном технологической проблемой, характерной для всех азиатских внешнеэкономических направлений России после 24 февраля 2022 г. При этом, при всех трудностях выполнения текущих контрактов, РФ остается доминирующей на военных рынках Вьетнама, а также де-юре и де-факто ключевым государством ЕАЭС, реализующим с СРВ преференциальный проект. 5–6 июля 2022 г. глава российского МИД С.В. Лавров посетил Ханой, где встретился с вьетнамским руководством, обсудил экономико-технологические, текущие и долговременные вопросы двусторонних отношений. Была подчеркнута важность дальнейшего

укрепления формата стратегического партнерства, необходимость развития ЗСТ между ЕАЭС и СРВ [РФ и Вьетнам... 2022].

Сохранение Ханоем дружественного нейтралитета по украинским событиям и общего позитивного настроения на дальнейшее развитие партнерства с Москвой, если они действительно есть, является определённым политическим фундаментом для строительства обновлённой российско-вьетнамской модели. Перспективы её обновления связаны с решением проблемы несоответствия между высокой формой сложившегося стратегического партнерства и неудовлетворительным состоянием торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Западные санкции и украинские события усилили эту асимметрию. Для того чтобы затормозить процесс дальнейшего разрыва формы и содержания и начать поступательное движение, по мнению ведущих российских специалистов по Вьетнаму, необходимо:

а) увеличить российские инвестиции в промышленность, особенно энергетику, транспорт; обеспечить присутствие российских компаний в инфраструктурных транспортных и трубопроводных проектах Вьетнама;

б) принять участие в назревшей модернизации почти 300 предприятий и энергетических объектов, построенных СССР;

в) активнее продвигать проект «Большая Евразия» за счет реальной смычки между ЕАЭС и экономическим сообществом АСЕАН, включая расширение сферы действия Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом в части инвестиций, торговли услугами, обмена людьми, информацией и технологиями; снижать нетарифные барьеры [Мазырин 2020: 119–120, 128–132].

Несмотря на то, что эти рекомендации были высказаны до начала российской СВО, в настоящее время они полностью сохраняют свою актуальность с поправкой на текущие технологические, финансовые и международно-правовые реалии российского позиционирования в мире в целом и в Юго-Восточной Азии, в частности.

Китайско-вьетнамская модель

Во Вьетнаме изучили опыт китайских реформ, которые внешне, исходя из идеологического сходства, близки по духу и экономической структуре СРВ. Как отмечает ведущий российский вьетнамист профессор Владимир Мазырин (ИКСА РАН), во вьетнамской модели, несомненно, был использован опыт рыночной трансформации и «синтеза» социализма и капитализма на китайской почве. При этом Китай и Вьетнам делают акцент на национальную специфику и особенности строительства китайской и вьетнамской моделей «рыночного социализма» [Мазырин 2013].

Двусторонние отношения охватывали целый комплекс направлений и проектов, включая регионально-интеграционный АСЕАН—Китай и торгово-экономический, на котором Китай еще в начале 2000-х годов вытеснил всех конкурентов, удерживая с большим отрывом в течение 20 лет первую позицию. Для сравнения, торговля СРВ с КНР и США в 2020 г. составляла 153,4 и 87,2 млрд долл. соответственно [Grossman 2022].

Одним из главных препятствий остаются споры по поводу принадлежности Парасельских островов, которые являются частью более общей «островной дискуссии» стран АСЕАН (Индонезии, Филиппин, Малайзии, Брунея) с Поднебесной по поводу архипелага Спратли. Начиная с 2002 г., когда Китай подписал с АСЕАН Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море (ЮКМ), а в 2017 г. началось обсуждение Кодекса поведения сторон в ЮКМ (СОС), определяющего нормы «свободы судоходства», режим проходов военных кораблей, навигацию и пр., ситуация в китайско-вьетнамских отношениях не улучшилась, а в отдельных случаях даже усложнилась. Как отмечают эксперты,

принятие документа (Кодекса), по сути, ничего бы не решало, поскольку маловероятно, что Китай будет рассматривать его как обязывающий к исполнению документ. Вьетнам, со своей стороны, также не соглашается принять такой проект, который будет исключать район Парасельских островов, аннексированных, по мнению Ханоя, в свое время Пекином [Локшин 2017: 58]. При этом с 2009 г. существует выдуманная КНР так называемая 9-пунктирная линия, согласно которой 80 % акватории ЮКМ и все её острова якобы исторически принадлежат Китаю [Там же: 43].

Очевидно, что историко-правовая дискуссия плавно перерастает в геополитическую, в которой доминируют военно-стратегические и углеводородные (нефтегазовые) интересы сторон, в первую очередь, Китая, усиливающего свои южные морские рубежи. Так, в ряде китайских СМИ описывается строительство трёх искусственных островов около Наньша (Парасельские острова), которые превратились в самые «сильные оборонительные форпосты, фактически, в непотопляемые авианосцы», заявлен контроль над другими 40 островами и рифами в этом же районе [Woguo nansha... 2020].

В мае 2014 г., когда Китай разместил свою нефтяную платформу в спорных водах, углеводородный кризис в двусторонних отношениях явно вышел на уровень межгосударственного. Визит председателя КНР Си Цзиньпина в 2015 г. во Вьетнам политически микшировал проблемы, имея важное символическое значение в плане вовлечения СРВ к китайскую инициативу «Один пояс, один путь», которую во вьетнамском руководстве оценивали достаточно противоречиво.

Вьетнам вступил в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), созданный Китаем с ведущими государствами мира для финансирования «шёлкового проекта», заявив об участии в строительстве вьетнамского участка Трансазиатской железной дороги, а также ряда угольных электростанций и пр.

С другой стороны, СРВ, соглашаясь на сотрудничество с КНР по отдельным проектам, не заявляла о своей поддержке инициативы в целом, включая ее морскую часть — «Морской шелковый путь» (МШП). Во Вьетнаме на экспертном и политическом уровнях говорили о финансово-кредитных рисках от китайских контрактов, о том, что за счет экономической зависимости будет происходить автоматическое усиление китайской и ослабление вьетнамской позиции в «островных спорах», что условия контрактов непрозрачны и пр. [Модель развития... 2019: 623–624].

Вьетнам разработал собственную долговременную морскую стратегию до 2030 г., в которой фактически изложен план развития морской экономики, транспортного судоходства, военно-морской безопасности и других направлений, ориентированный на самодостаточность и независимость от влияния внешних игроков (Китая) [Ле Динь Тинь 2021].

Китай рассматривает энергетическую и военную проблематику на морских пространствах ЮКМ в основном через призму «9-ти пунктирной линии», остро реагируя на российско-вьетнамское сотрудничество по разведке нефти в данных районах, включая проекты Роснефти, российско-вьетнамские военные маневры и учения, а также военные поставки РФ в СРВ.

Кроме «островной темы» в китайском экспертном сообществе одной из ключевых остаётся проблема встраивания Вьетнама в китайскую стратегию «Морского шелкового пути», анализ геоэкономических и международно-политических факторов ее реализации. Один из ведущих экспертов профессор Цюй Вэньцзя (Китайский университет политических наук и права, Пекин), отмечая выгодное географическое расположение Вьетнама, его «социалистическую близость», предлагает процесс сближения двух государств построить на общности «морских стратегий» и предоставления вьетнамской стороне ряда экономических преференций [Qu Wenjia 2021].

Ведущий сотрудник Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) Ли Цзянган, наоборот, подчеркивает, что страны уже достигли необходимого консенсуса в рамках сотрудничества по проектам «Пояса и пути», включая «Морской шелковый путь», поэтому следует

более тщательно подходить к возникающим рискам, включая, как он отмечает, «стратегическое сомнение Вьетнама в отношении Китая», колебания китайско-вьетнамских отношений и пр. Эксперт предлагает более жестко и избирательно подходить к вьетнамским проектам, отслеживая и упреждая негативную реакцию Ханоя [Li Jianggang 2020].

Другая часть китайских экспертов отмечает необходимость усиления работы с вьетнамским руководством в плане более убедительной доводки до него мысли о том, что дальнейшая интеграция планов экономического развития, встраивание в «Один пояс, один путь», включая морскую часть, усиление взаимодействия с АБИИ и пр. поможет Вьетнаму ускорить экономический рост, выйдя на новый, более высокий уровень собственной экономической модернизации [Jiang Yushan 2018].

Прикладные китайские исследования ориентированы на изучение структуры, спроса и особенностей макроэкономических показателей двусторонней торговли, инвестиционного взаимодействия. По официальным китайским данным, китайские накопленные инвестиции во Вьетнаме к 2019 г. оценивались в 66,42 млрд, а вьетнамские в Китае – 2,2 млрд долл. Эти оценки прямо противоречат данным статистики СРВ, согласно которой первый показатель в 2021 г. равнялся 21,6 млрд долл., а второй 36,8 млн долл. (SYBVN, 2022: 277, 291). Спектр отраслевого применения инвестиций КНР также достаточно широк — от трудоемких отраслей промышленности, сельского хозяйства до высокотехнологических производств, обрабатывающей промышленности, энергетики и туризма. В рамках ОПОП, как считают в Пекине, или двусторонних отношений, как подчеркивают в Ханое, реализуется ряд инфраструктурных проектов — модернизация портов, строительство пяти автомагистралей. В региональном плане китайские инвестиции сосредоточены в основном в северо-восточных прибрежных районах СРВ, дельте Красной реки и приграничных территориях, сопредельных с Китаем.

Заключение

Таким образом, в треугольнике «Россия—Вьетнам—Китай» КНР остается ключевой в экономической сфере. Внешнеполитическая стратегия Вьетнама продолжает базироваться на сочетании трёх типов балансирования — институционального, с использованием ресурсов АСЕАН, ВАС, АРФ и др.; внешнеполитического, основанного на поиске альтернативных Китаю партнёров; и внутреннего — диверсификации источников роста [Колдунова 2021: 48–50]. Исходя из этой методологии, Россия, с учётом ее усиливающегося китайского направления, не вписывается пока полностью во вьетнамские внешнеполитические приоритеты. При этом украинские события после 2014 г. косвенно повлияли на снижение активности и аннулирование Ханоем ряда проектов.

С другой стороны, российско-вьетнамские отношения носят самодостаточный характер, успешно выполняя набор локальных, взаимовыгодных экономических, военно-технических, энергетических и гуманитарных задач. Несмотря на сложность китайско-вьетнамских отношений, Россия, чисто теоретически, на каком-то этапе может выступать медиатором между Китаем и Вьетнамом, сглаживая конфликтные ситуации. Для этого, в числе прочих задач, как справедливо отмечает ветеран российского вьетнамоведения доктор Евгений Кобелев (ИКСА РАН), потребуется преодоление вьетнамскими элитами старых подходов и стереотипов, связанных с сохранением неких российских обязательств перед Вьетнамом, существовавших в период советско-вьетнамской дружбы и, соответственно, и требовавших активной поддержки вьетнамской позиции против Китая со стороны России [Кобелев 2020: 17].

Россия сегодня развивается вне идеологических и страновых (прокитайских или провьетнамских) рамок и поэтому, находясь ровно посередине между Ханоем и Пекином, объективно может влиять на обе стороны, в равной степени с выгодой для всех.

Возможно, что опыт проекта РИК (Россия—Индия—Китай), несмотря на региональные и исторические отличия от вьетнамского случая, теоретически может быть востребован на Индокитайском полуострове и в перспективе материализоваться в трехстороннем взаимодействии в треугольнике «Россия—Вьетнам—Китай» (РВК), который потенциально способен играть стабилизирующую роль в субрегиональной структуре международных отношений.

Список литературы

- «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е. В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2022. 256 с.
- Бритов И. В. Всеобъемлющее стратегическое партнерство РФ и СРВ: достигнутый результат или перспективная цель? // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 2. С. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.54631/VS.2022.62-96208>
- Глинкина С. П., Мигранян А. А., Пылин А. Г. О совместном научном проекте Института экономики РАН и Вьетнамской академии общественных наук // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2018. № 4. С. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2018-10040>
- Канаев Е. А. АСЕАН и экономическое сотрудничество в Юго-Восточной Азии: тенденции и промежуточные итоги // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. №. 1 (50). С. 32–46. DOI:10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-032-046
- Канаев Е. А., Файншмидт Р. И., Федоренко Д. О. Перегрузка российско-вьетнамских отношений: направления и факторы успеха // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 351 – 368.
- Кашин В. Б. Военно-техническое сотрудничество России и Вьетнама на современном этапе // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 73–83.
- Кобелев Е. В. Вьетнам и политика поворота на Восток // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 17–29.
- Колдунова Е. В. Балансирование во внешней политике Вьетнама: достижение, перераспределение, вызовы // Компартия Вьетнама: новая веха в истории. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 41–55.
- Колотов В. Н. Споры в ЮКМ и внутривосточная ситуация во Вьетнаме // Азия и Африка сегодня. 2019. № 3. С. 2–9.
- Ле Динь Тинь. Анализ вьетнамской стратегии развития морской экономики на период до 2030 г. и в перспективе до 2045 г. // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021. № 1. С. 7–29. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2021-10001>
- Локишин Г. М. Кодекс поведения в Южно-Китайском море (СОС) – иллюзия или отвлекающий маневр? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 40–60.
- Мазырин В. М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986–2010). М.: Форум, 2013. 379 с.
- Мазырин В. М. О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнерства // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 148–162. DOI: <https://doi.org/10.54631/VS.2021.54-148-161>
- Мазырин В. М. Российско-вьетнамский диалог по вопросам международной политики // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2019. № 1. С. 83–90. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2019-10007>
- Мазырин В. М. Сдержки экономического сотрудничества между Россией и Вьетнамом // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 114–132.
- Мигранян А. А. Перспективы развития торговых отношений ЕАЭС и Вьетнама // Россия и мир в XXI веке. 2019. С. 92–111. DOI: <https://doi.org/10.31249/rms/2019.02.07>

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А. В. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 733 с.

Мосяков Д. В. Тупики вьетнамо-американских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. № 4 (53). С. 147–157. DOI:10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-147-157

Нгуен Ть Там. Россия и Вьетнам хотели бы торговать, но не могут // Независимая газета. 05.04.2022.

РФ и Вьетнам нацелены на углубление сотрудничества по ключевым направлениям // Электронное издание сайт «Большая Азия». 17.07.2022. URL: <https://bigasia.ru/content/news/politics/rf-i-vietnam-natseleny-na-uglublenie-sotrudnichestva-po-klyuchevym-napravleniyam/>

Совместное заявление об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам // Сайт Президента РФ. 27.07.2012. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1279>

Совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и СРВ на период до 2030 г. // Сайт Президента РФ. 30.11.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5742/print>

Сумский В. В. Индо-тихоокеанское видение АСЕАН и вертикальный взлет американо-китайской вертикали // Международная жизнь. 2021. № 4. С. 74–90.

Grossman D. Why Vietnam Might Want to Reconsider its Russia Policy // ISEAS Perspective. 11 May 2022. No. 50. P. 1–9. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/04/ISEAS_Perspective_2022_50.pdf

Gu Hoping. Wudong dajuezhuan zhiji, eluosi weihe you yu yuenan gao junyan? Pujing shizai “dian” zhongguo. 2022-04-21 [Гу Хопин. Почему Россия проводила военные учения с Вьетнамом во время решающего сражения на Украине? Путин «указывает» на Китай]. 21.04.2022. URL: <https://www.163.com/dy/article/H5G8EP6P053518R1.html>. (На кит. яз.)

Jiang Yushan. “Yidai yilu” shiyu xia zhongyue hezuo jiyu yu Qianjing – Jiyu yuenan jiaotong jichusheshi jianshe de kaocha 2018 [Цзян Юйшань. Возможности и перспективы китайско-вьетнамского сотрудничества в проекте «Один пояс, один путь» — на основе исследования строительства транспортной инфраструктуры Вьетнама]. 2018. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-QZSD201807005.htm>. (На кит. яз.)

Li Jianggang. “Yidai yilu” zai yuenan luodi shishi mianlin de fengxian tiaozhan he duice yanjiu [Ли Цзянган. Исследование рисков, вызовов и мер противодействия реализации инициативы «Один пояс, один путь» во Вьетнаме]. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-WHRS202002014.htm>. (На кит. яз.)

Statistical Yearbook of Vietnam 2021. Hanoi, 2022. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2022/08/statistical-yearbook-of-2021>

Qu Wenjia. Shiji haishang sichouzhilu “Yansian guojia hulian hutong yanjiu zhi yuenan” [Цюй Вэньцзя. Вьетнам: исследование взаимосвязи стран вдоль «Морского шелкового пути XXI века»]. 2021. URL: <https://cpfd.cnki.com.cn/Article/CPFDTOTAL-KJQY201704002003.htm>. (На кит. яз.)

Woguo nansha zuizhongyao de sange daojiao hu cheng jijiao zhi shi zhanlue jiazhi ji gao [Три важных острова и рифа]. URL: https://www.sohu.com/a/581895280_121145184?scm=9010.68.0.0.0&spm=smpc.content-abroad.fdl-3.1662118207487NdMqOfy&f=index_pagerecom_3. (На кит. яз.)